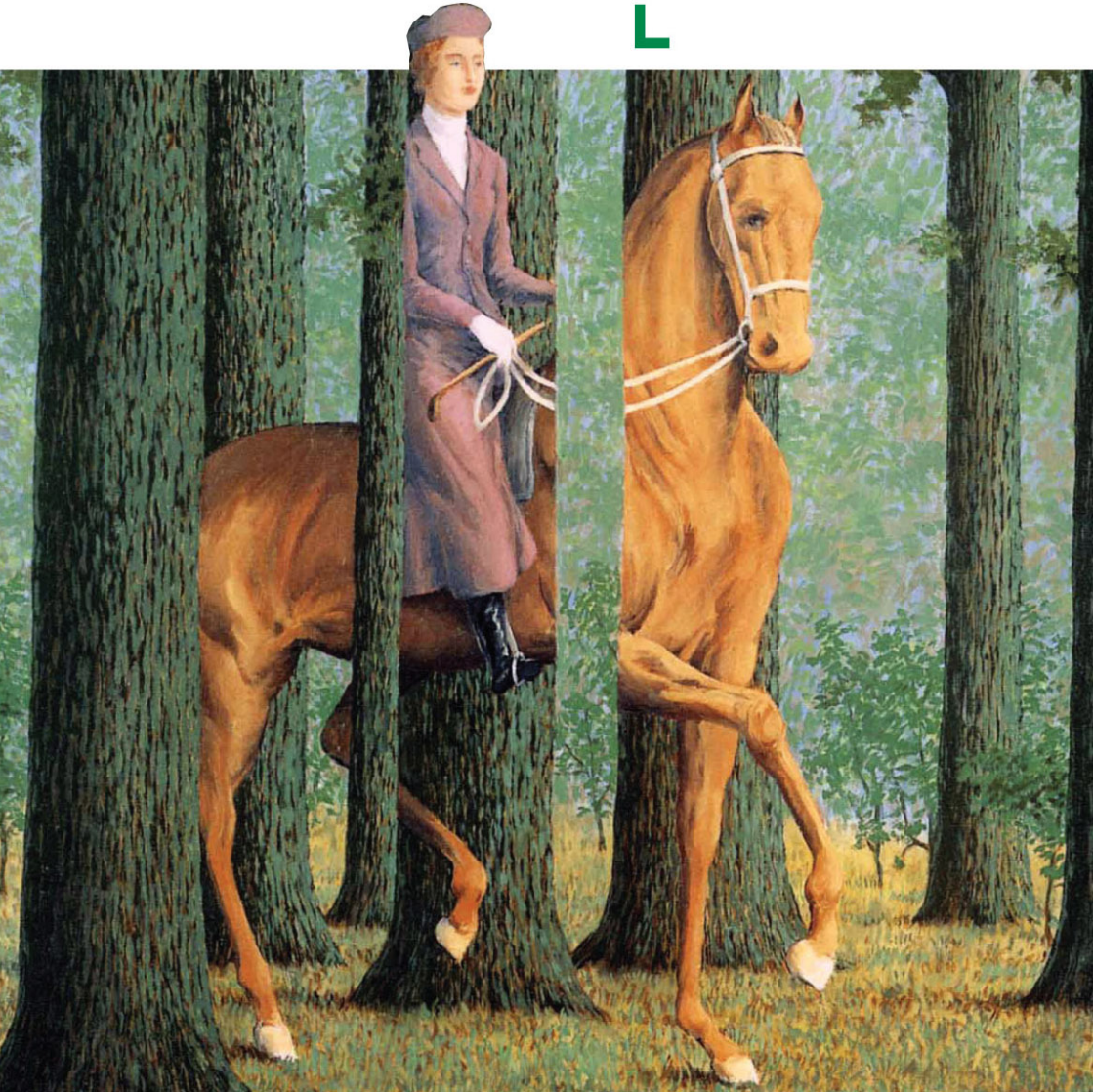
РЕЛЯТИВИЗМ В ПРАВЕ

Под редакцией
И. И. Осветимской,
Е. Н. Тонкова

УДК 340.115
ББК 67.0
Р 369

Авторский коллектив:

Антонов М. В., к.ю.н., проф., адвокат; Белов М. А., студент; Веренич Н. В., к.ю.н., доц.; Ветютнев Ю. Ю., к.ю.н., доц.; Касаткин С. Н., к.ю.н., доц.; Ковкель Н. Ф., к.ю.н., доц.; Краевский А. А., к.ю.н., доц.; Ломакина И. Б., д.ю.н., проф.; Осветимская И. И., к.ю.н., доц.; Пермяков Ю. Е., к.ю.н., доц.; Разуваев Н. В., д.ю.н., проф.; Ромашов Р. А., д.ю.н., проф., засл. деят. науки РФ; Самохина Е. Г., к.ю.н., доц.; Сергевнин С. Л., д.ю.н., проф., засл. юрист РФ; Тихонова С. В., д.филос.н., проф.; Тонков Е. Н., к.ю.н., преп., адвокат; Честнов И. Л., д.ю.н., проф., засл. юрист РФ

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации *Д. И. Луковская* (Санкт-Петербургский государственный университет); доктор юридических наук, профессор, почетный работник сферы образования Российской Федерации *И. И. Мушкет* (Международный институт мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств – участников МПА СНГ)

Р 369 Релятивизм в праве: коллективная монография / под ред. И. И. Осветимской, Е. Н. Тонкова. – СПб.: Алетейя, 2021. – 348 с. – (Толкование источников права).

ISBN 978-5-00165-364-6

В коллективной монографии исследованы философские и правовые основания релятивизма, определены механизмы и пределы его воздействия, сфокусировано внимание на релятивизации правопорядков и сосуществовании параллельных нормативных систем, дана оценка российской государственно-правовой реальности. Авторами актуализированы семиотические подходы к релятивизму, ценностные дискурсы, проблемы истины и другие феномены, эволюционирующие в контексте релятивизма.

Книга посвящена малоизученному направлению философско-правовой мысли, является первым коллективным исследованием релятивизма в праве на постсоветском пространстве. Монография ориентирована на преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся современными теоретическими исследованиями права.

В оформлении обложки использован фрагмент картины Рене Магритта «Препятствие пустоты»

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа»
в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции:
РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

УДК 340.115
ББК 67.0

ISBN 978-5-00165-364-6

© И. И. Осветимская, Е. Н. Тонков, сост., ред., предисл., библиогр. список, 2021
© Коллектив авторов, 2021
© Гуманитарный фонд «Тюрьма», 2021
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие *(Е. Н. Тонков, И. И. Осветимская)* 7

Глава 1. Релятивизм в праве: угроза или реальность? *(И. Л. Честнов)* 10

Глава 2. Пределы релятивизма в праве *(И. И. Осветимская)*. 22
2.1. Разновидности релятивизма. 22
2.2. Возможность сочетания универсального и контекстуального: эпистемический и методологический плюрализм 28
2.3. Пределы релятивизма в праве: принципы права 31

Глава 3. Релятивизация правоприменения в современных обществах *(Е. Н. Тонков)* 35
3.1. Сосуществование параллельных нормативных систем 35
3.2. Индивидуальные нормативные системы правоприменителей 43
3.3. Конфликт подходов к пониманию права. 47
3.4. Доминирование корпоративных норм (казусы следователя К.) 55
3.5. Правоприменение – движение от релятивности к казуальности 64

Глава 4. Релятивизм в праве и релятивизм правопонимания: правовые ипостаси и правовые методологии *(С. Л. Сергевнин)* 70

Глава 5. Пределы контекстуальной обусловленности правовой коммуникации *(Н. В. Разуваев)* 88
5.1. Проблема культурных универсалий в постклассической теории права. 88
5.2. Реальность и истинность: конструктивистская интерпретация 92
5.3. Конструирование правопорядка как дискурсивный процесс 100
5.4. Порождающая грамматика права и синтаксические пределы контекстуальной обусловленности правовой коммуникации 106

Глава 6. Неопределенность как проявление релятивности права *(И. Б. Ломакина)*. 114

Глава 7. Российская государственно-правовая реальность и правовой релятивизм *(Р. А. Ромашов)*. 124

7.1. Основные понятия 124
7.2. Государственно-правовая реальность современной России – «сегодня и завтра, как продлеваемое в вечность вчера» 126
7.3. Константы будущего в контексте сопоставления российской государственно-правовой реальности и правового релятивизма . . . 127
7.4. Реалистический позитивизм – концептуальное основание правового релятивизма. 133

Глава 8. Ценностный дискурс в вопросе о действии норм права *(М. В. Антонов)*. 144
8.1. Введение 144
8.2. Действие норм права и его аспекты. 148
8.3. Условный характер суждений о валидности 159
8.4. Заключение 165

Глава 9. Относительность правовых ценностей *(Ю. Ю. Ветютнев)* . 169
9.1. Проявления релятивизма в ценностной сфере 169
9.2. Чем определяются правовые ценности? 174
9.3. К вопросу об абсолютных правовых ценностях. 176

Глава 10. Истина в условиях релятивизма: «тезис правильного ответа» в интерпретативной концепции Р. Дворкина *(С. Н. Касаткин)* 180
10.1. Основы юридического интерпретативизма: скептический вызов и интерпретативные практики сообщества 181
10.2. Право как толкование: проблема границ юридической интерпретации 190
10.3. Институционализация юридической истины: «тезис правильного ответа» 197
10.4. Заключение. 207

Глава 11. «Чистота» чистого учения о праве и релятивизм в праве и философии *(А. А. Краевский)* 209
11.1. Формальные системы, термодинамика и право 210
11.2. «Чистота» чистого учения о праве. 211
11.3. Релятивизм в понимании Кельзена 214

Глава 12. Различение юридической практики и политической манипуляции: казус Геринга и Павленского *(Ю. Е. Пермяков)* . 216

Глава 13. Проблемы определения релятивизма и релятивистская программа семиотики права *(Н. Ф. Ковкель)*. 240
13.1. Основные проблемы определения релятивизма в философской традиции 240
13.2. Релятивистская программа отдельных направлений современной семиотики права 257

Глава 14. Релятивное и универсальное в методологии юридической семиотики *(В. Г. Веренич)* 272

Глава 15. Правовой релятивизм «после Новой риторики» *(Е. Г. Самохина, С. В. Тихонова)*. 283

Глава 16. В защиту релятивизма: преодолевая юридическое поле *(М. А. Белов)* 307
16.1. Релятивизм: ограниченность теории, культурное многообразие и плюрализм 308
16.2. Юридическое поле: голос субъекта, истина и разделение труда . . . 311

Библиографический список 316

Сведения об авторах 342

Глава 1

РЕЛЯТИВИЗМ В ПРАВЕ: УГРОЗА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Релятивизм – сложный феномен, играющий важную роль в осмыслении социального мира[1], вызывающий не менее сложное, противоречивое к себе отношение: от признания до полного отрицания (отторжения).

Релятивизм – важная (может быть, важнейшая) характеристика постсовременности, понимаемой как эпоха (или индустриальное, информационное, глобальное общество) и господствующая в ней и неотделимая от нее культура (которая является сложным, противоречивым феноменом, для которой характерны «расколотость» или фрагментарность; при этом релятивизм – ее общий вектор). Как заметное явление, релятивизм возникает в конце XIX – нач. XX вв., хотя он известен, как минимум, со времен Платона и Протагора, и занимает в социальных науках маргинальное положение. В конце XX в. ситуация кардинально меняется и релятивизм становится важнейшим принципом постмодернизма. Однако сегодня, когда вектор культуры сдвинулся в сторону пост-постмодернизма, отношение к релятивизму в очередной раз изменилось. Нынче релятивизм провозглашается онтологическим и одновременно эпистемологическим принципом не только постмодернистами (например, Р. Рорти, Ж. Деррида), но и сторонниками теории «высокого» или «второго» модерна – Э. Гидденсом (в его концепции рефлексивной модернити), У. Беком или Ю. Хабермасом[2].

---

[1] Релятивизм, безусловно, становится важнейшим принципом онтологии физического мира после открытий квантовой механики и теории относительности Эйнштейна, однако в силу редукции и использования законов физического мира в мир социальный, далее речь пойдет исключительно о релятивизме в социогуманитарной сфере.

[2] Как философский принцип, релятивизм «подчеркивает примат связи объектов перед их субстанциальными свойствами, приоритет целостности, системно-

Приход релятивизма, по мнению Л. А. Микешиной, связан с тем, что «меняются иерархия эпистемологических и методологических ценностей, смыслы ряда просвещенческих идеалов, а также отрицательных для классической науки понятий и методологий, таких как релятивизм, эклектика (Г. Зиммель о природе социологии как необходимо эклектической науке), индетерминизм, самореференция (Н. Луман), конвенция, историзм (как релятивизм), а также плюрализм и полипарадигмальность (социология, лингвистика, этническая психология, история экономики и др.), конституирование и конструирование (в феноменологической социологии), априорная интерсубъекгивная значимость и коммуникативность как основания для рациональности (К.-О. Апель); дается их новое эпистемологическое толкование и оценки. … Соответственно меняется и понимание природы истины; выявляются ее новые смыслы, особенно в науках об обществе, включающих истинность как «общезначимость» на основе «неограниченного критического коммуникативного сообщества», и так называемую «консенсусную истину» (К.-О. Апель), что неприемлемо для традиций классической науки и теории отражения»[1]. Поэтому «не существует исключительно одного, самого правильного способа изучения общества, не содержащего в себе противоречий и не создающего научных проблем. Все зависит от того, как исследователь понимает общество и какой способ соотношения себя с ним выбирает»[2], – пишет известный шведский социолог П. Монсон.

Прежде чем вести речь о релятивизме в праве, полагаю уместным и необходимым высказать несколько соображений о ***философских ос-***

сти реальности перед ее отдельными частями, развития перед сохранением. … Как концепция релятивизм принимает во внимание относительность, изменчивость суждений, норм и критериев, зависимость их истинности, правильности от пространственно-временных, культурно-исторических, социальных, психологических и ценностных факторов» (*Касавин И. Т., Микешина Л. А.* Релятивизм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация». С. 824).

[1] *Микешина Л. А.* Релятивизм // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под редакцией И. Т. Касавина.. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2010. С. 128.

[2] *Монсон П.* Лодка на аллеях парка. Введение в социологию. М.: «Весь мир», 1994. С. 13.

нованиях релятивизма. Суть онтологии релятивизма, неотделимой от эпистемологии, состоит в «корреляционизме» (или взаимодополнительности) бытия и мышления, как содержании коперниканской революции И. Канта. Как пишет один из наиболее популярных сегодня молодых философов, сторонник натуралистического поворота Квентин Мейясу, не существует доступа к бытию или мышлению по отдельности, но только к корреляции одного и другого[1]. Близкое прочтение корреляционизма, производимое лидером спекулятивного реализма Грэмом Харманом (хотя он и не разделяет «преклонение» Мейясу перед корреляционизмом), сводит существование вещи к условиям существования: нечто существует, если заданы условия существования. Поэтому свойства вещи (объекта) «для нас» существуют только в отношении к наблюдателю свойств, задающего условия существования и свойств[2]. «Релятивность как свойство самого знания, отражающее изменчивость объекта, обстоятельства его существования и способы его интерпретации» не предполагает «абсолютизации релятивности знания»[3]. «Пред-

[1] «Под “корреляцией” мы понимаем идею, согласно которой мы можем иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них. … можно сказать, что любая философия, которая не хочет быть наивным реализмом, становится разновидностью корреляционизма». – *Мейясу К.* После конечности: эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015. С. 11.

[2] «Ничто ощущаемое – ни воздействующее, ни воспринятое качество – не может существовать таким, каким оно дано мне в этой вещи, без отношения ко мне самому или другому живому существу. Если мысленно рассмотреть такую вещь “в себе”, то есть независимо от отношения, которое она поддерживает со мной, то покажется, что никакое из ее качеств не может продолжать существовать. Изымите наблюдателя, и мир лишится своих звуковых, визуальных, обонятельных и т. д. качеств…». – там же. С. 6.

[3] *Микешина Л. А.* Указ. Соч. С. 152. «Очевидно, что релятивизм не является неким самостоятельным направлением среди других, но настойчиво проявляется как неотъемлемое свойство познания вообще, современного особенно, для которого характерен плюрализм “миров”, подходов, критериев, систем ценностей, парадигм». – там же. «Преодолевая крайние представления теории отражения и наивного реализма, мы должны признать, что всякое знание, которое достигает человек и которым он пользуется в своей деятельности, носит принципиально релятивный характер. Это не может оцениваться отрицательно, поскольку является не только характеристикой знания, но и неотъемлемым свойством познавательной способности человека, результат которой может быть лишь относительно, устой-

посылками релятивизма в познании предстают такие свойства действительности, как изменчивость, развитие, объективная неопределенность свойств и процессов, развитие и изменение самого человека, общества, человечества в целом. Это традиционно признаваемые и описываемые характеристики мира, которые не могут быть отрицаемы; но не всегда с ними соотносят возникновение релятивизма, или делают это достаточно поверхностно и тривиально»[1].

Таким образом, релятивизм неустраним как из социального познания, так и коррелирующего с ним социального бытия, социального мира, в котором «ситуация реальна по своим последствиям, если она воспринимается как реальная», как утверждал У. Томас. Социальная реальность, другими словами, неотделима от ее восприятия. При этом важно ответить на вопрос – кем воспринимается, кто переводит наблюдаемое в реальное с помощью номинации, категоризации, классификации и квалификации? В широком смысле слова – это делает власть (не только государственная, но и представители референтных групп).

Отсюда же вытекает нормативный или ценностный релятивизм. «Этический релятивизм полагает, – пишут И. Т. Касавин и Л. А. Микешина, – что не существуют безусловные, общие для всех культур моральные ценности и нормы, коренящиеся в неизменной, внеисторической природе человека. Необходимо принимать во внимание социальный контекст и нормы данного общества) ибо они признаются правильными для одной и неправильными для другой среды. Социально-культурный релятивизм есть акцентирование моментов своеобразия и исторической изменчивости челевекоразмерных систем (общественных, культурных, языковых), их ситуативной обусловленности, замкнутости и несоизмеримости друг с другом. Таковой тип релятивизма обычно связан с отрицанием линейного развития культуры, с представлением о существовании охватывающих и несоизмеримых форм жизни и мировоззрений, структурирующих мышление людей определенных эпох и культур (Н. Данилевский, О. Шпенглер)»[2]. И. Берлин – выдаю-

---

чивым, относительно истинным и постоянным. Можно лишь выдвигать гипотезу о реальных свойствах и отношениях объектов, о ситуации и положении дел, и тем самым с необходимостью осуществлять интерпретацию». – там же. С. 155.

[1] Там же. С. 158.

[2] *Касавин И. Т., Микешина Л. А.* Указ. соч. С. 824.

щийся английский философ – утверждал, что окончательных ответов на вопросы нравственности, политики и другие ценностные вопросы не существует; более того, некоторые из ответов … несовместимы друг с другом. Поэтому необходимо создать жизненное пространство для сосуществования несовместимых ценностей»[1].

Парадокс релятивизма – его релятивность. Невозможна в нашем лучшем из миров позиция Божественного метанаблюдателя, как утверждал Х. Пантнэм. Поэтому любое существование, включающее в себя представление о существовании, релятивно позиции наблюдателя и используемого им метода наблюдения (с чем согласуется принцип дополнительности в квантовой физике, хотя, повторюсь, дискуссионным остается вопрос – действуют ли законы квантовой физики в макромире). Но релятивность не может быть абсолютной: для определения существования необходима конвенция, задающая условия существования. Поэтому ***релятивизм относителен конвенции (принятых в данном сообществе ценностей, идеологии, институтов и норм), ситуации (включающей субъектов, их интенции и мотивации, используемые способы типизаций и др.), исторического и социокультурного контекста, а также рамок самосохранения человека как социо-биологического вида*** (что связано с экологическими, физическими, техническими и проч. глобальными проблемами современности). Так, например, действие (простая форма реализации права) или взаимодействие (правоотношение) в праве релятивно конвенции – знаковой фиксации нормы права, а норма существует только если она воспроизводится практиками (как поведенческими, так и интерпретационными) акторов (людей – носителей статусов субъектов права). Вышесказанное не отрицает универсалий (или абсолютного как парной категории относительному) в праве. Но они существуют как «голые абстракции», наполняемые конкретным содержанием в соответствующем контексте, ситуации[2].

---

[1] Цит. по: *Микешина Л. А.* Указ. соч. С. 130.

[2] См. подробнее: *Честнов И. Л.* Конституция: диалектика универсального и контекстуального // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. Т. 12. № 1. С. 9–21.

Таким образом, релятивизм в социальном мире (и в праве) неизбежен[1]. Несет ли он угрозу, как заявляет В. А. Лекторский в коллективной монографии с весьма звучным обвинительным названием «Релятивизм как болезнь современной философии»[2]? Это опять-таки зависит от позиции наблюдателя. Для П. Фейерабенда или Р. Рорти в релятивизме никакой угрозы нет, а есть польза для развития философии и науки. А вот для В. А. Лекторского или Е. В. Тимошиной релятивизм, несомненно, угрожает устоям социума. «В современной науке и философии, – пишет Е. В. Тимошина, – получила распространение позиция эпистемологического релятивизма, которая заключается в деконструкции ценности научной рациональности, прежде всего – онтологически гарантированных понятий истины и объективного смысла, что закономерно приводит к размыванию границ научного знания»[3]. И продолжает: «…последовавшая во второй половине XX в. серия постмодернистских деконструкций оснований классической науки в известном смысле выплеснула вместе с водой и младенца. Осуществив деконструкцию ценности научной рациональности и ее привилегированного эпистемологического по-

---

[1] О релятивности как принципе права см. подробнее: *Samokhina E., Chestnov I.* The Principle of Relativity in the Post-Classical Theory of Law // Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities & Social Sciences. 2020. Vol. 13. No. 1. P. 42–49.

[2] «Последовательное проведение релятивистской Установки означает отказ от таких фундаментальных ценностей культуры, как ориентация на поиск истины и получение знания, рациональность, необходимость осмысления мира и человека в нём. Релятивист консервирует сложившиеся концептуальные и ценностные системы и исключает возможность критической дискуссии (дискуссия невозможна, если у каждого участника свои критерии рациональности и обоснованности). Релятивизм парализует и практическое действие». – *Лекторский В. А.* Предисловие // Релятивизм как болезнь современной философии / Ответ. ред. В. А. Лекторский, М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2015. С. 3–4. В результате подобного рода обвинений происходит, как пишет один из авторов этой же книги Н. С. Автономова, «дьяволизация постмодернизма»: «Деррида – постмодернист, а значит – релятивист, и далее следуют обвинения во всех моральных и гносеологических грехах». – *Автономова Н. С.* От языковых экспериментов к анализу апорийных ситуаций (о так называемом «постмодернистском релятивизме» концепции Жака Деррида) // Там же. С. 265.

[3] *Тимошина Е. В.* Классическое и постклассическое правопонимание // Постклассическая онтология права. Коллективная монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб.: «Алетейя», 2016. С. 284.

ложения в культуре модерна, онтологически гарантированных понятий истины и объективного смысла, постмодернизм вместе с мировоззренческими основаниями классической науки, последовательно уничтожил и науку как таковую»[1]. В другой работе Е. В. Тимошина критикует релятивизм за то, что в такой перспективе «право приобретает волюнтаристскую природу и понимается как ‘’право сильного’’, что приводит к стиранию границ между правом и политикой, возведенных классической европейской философско-правовой традицией»[2]. Под влиянием релятивизма «утрачивается специфически человеческая способность к фундаментальным культурообразующим различениям – между реальностью и иллюзией, истиной и ложью, знанием и заблуждением, добром и злом, справедливостью и неправосудием»[3]. «С помощью тезиса о ценностном плюрализме и толерантности, – по ее мнению, – легко стираются границы между правомерным поведением и преступлением, чему способствует и концепт легитимности права, который оказывается очень удобным для того, чтобы оправдать превращение в норму факта нарушения нормы (при условии его распространенности)»[4]. Замечу в этой связи, что Я. И. Гилинский, например, утверждает «нормальность» как распространенность преступности, что, безусловно, не является ее оправданием[5].

Радикальный релятивизм, прежде всего, «этический», с моей точки зрения, вещь опасная. Однако он всегда ограничен, так как в любом сообществе всегда существуют конвенции – традиции и обычаи, конституирующие группу. В то же время, приходится констатировать, что сегодня проблематична общая конвенция (или «большая традиция»), распространяющаяся на все «большое» мультикультурное общество, а

---

[1] Там же. С. 285.

[2] *Тимошина Е. В.* Установить истину: о реализме и релятивизме в юриспруденции (в продолжение дискуссии о реалистическом повороте) // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 25–35.

[3] Там же. С. 27.

[4] Там же. С. 28.

[5] См.: *Гилинский Я. И.* Нормальность девиантности // Феноменология и профилактика девиантного поведения. Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: Краснодарский университет МВД РФ, 2019. С. 64–68; *Гилинский Я. И.* Преступность: что это? Кто виноват? Что делать? // Вестник казанского юридического института МВД России. № 1 (35). 2019. С. 6–14.

тем более человечество. Поэтому «формула Радбруха» сегодня не действует; консенсус даже по поводу «вопиющей несправедливости», боюсь, невозможен в рамках более или менее широкой общественности. Сегодня произошла сегментация «индивидуализированного общества» «текучей современности» (З. Бауман). Но еще более опасна другая тенденция, обнаруженная постструктуралистами в конце 60-х гг. – «смерть субъекта», поглощение человека структурой, навязывающей нам потребности, ценности, образ жизни и мысли. Тот, кто говорит от имени универсального – хочет обмануть, утверждал в сер. XX в. К. Шмитт в своем «Глоссариуме». Тот, кто выдает свои или групповые интересы за общечеловеческие – стремится к захвату власти и тоталитарному господству, утверждают современные постструктуралисты. Полагаю, что эти опасения вполне обоснованы. Поэтому ***опасен и радикальный (этический) релятивизм, но не менее опасен радикальный универсализм.***

Вернемся к юриспруденции. Если не существует свойств вещи вне отношения к субъекту (инстанции) наблюдения и критериев «существования», то нет имманентной сущности права или «природы права» вне отношения, включающего наделение свойством «быть правом». Только в таком отношении право выполняет свою социальную функцию. Универсалии или абсолютное в праве – это не более, чем голые абстракции, содержание которых может дать только тот, кто имеет прямой доступ к реальности или «на дружеской ноге» с Божественным наблюдателем. В этой связи важно определить – о доступе к какой реальности идет речь? Многогранность права, как и любого социального явления, проявляется во множестве его свойств как отношений с другими социальными явлениями. Если реальность права редуцировать к поведению (деятельности людей, реализующих или воспроизводящих своими практиками информацию, зафиксированную в нормах права), то внешняя фиксация поведенческих актов в духе бихевиоризма никогда не даст полной картины правовой реальности. Это связано не только с тем, что право, несомненно, гораздо «больше» (шире, многообразнее). Право (как и любое социальное явление) – это прежде всего значения и смыслы, мотивирующие и «продуцирующие» поведение; это ожидания адекватного поведения от другой стороны (которая в праве всегда присутствует – либо эксплицитно, либо имплицитно); это предвосхищение

оценки со стороны как другого актора в юридически значимом взаимодействии, так и с позиций «внешнего наблюдателя» или знаковой фиксации права. Интериоризация значений в смыслы, «следование правилу» и другие аспекты дискурсивного бытия права как воспроизводства правовой реальности всегда лишь частично, огрубленно могут быть описаны научным знанием как рефлексией над профессиональной и обыденной практической юридической деятельностью (с точки зрения социальной феноменологии). Ко всему прочему, наука не может (и вряд ли когда-либо сможет) дать исчерпывающий и окончательный ответ на вопрос как происходит процесс мышления. Поэтому доступ к правовой реальности, понимаемой как действия, неотделимые от представлений (включающих конфликт интерпретаций) о нормах, действиях, последствиях, их оценке и т. д. – всегда неполон и является опосредованным, «непрямым».

«По определению, а также согласно своему онтологическому основанию, – пишет Ч. Варга, – право является многофакторным процессом, то есть все его компоненты сами по себе являются процессами. /…/ Определяя фундаментальную природу права, мы должны помнить, что (1) право нельзя рассматривать как нечто статичное и материальное, неизменно самотождественное. Оно скорее представляет собой изменяющуюся и динамичную идею, выражающую процесс общественной практики. Следовательно, (2) не стоит думать о праве как о некоем едином организме, так как оно состоит из различных действий, которые поддерживают или ослабляют, или даже нейтрализуют (уничтожают) друг друга ввиду их параллельной или противоположной направленности. Поэтому (3) мы не можем с самого начала делать категорические утверждения относительно некоей изначально заданной исключительности отдельных компонентов права относительно того, «правовые» они или «не правовые». Следует сформулировать это более точно: то есть, определить «правовое» или «внеправовое» с позиции того или иного признанного или действительно доминирующего способа осмысления происхождения права. С этих же позиций можно определить «более правовое» и «менее правовое». Наконец, (4) так как право является непрерывным процессом, мы не можем помыслить его в его целостности (то есть помыслить «право вообще») как единообразное, завершенное и неизменно самотождественное. Будучи явлением, получаемым

посредством различных беспрестанно действующих и противодействующих процессов, оно всегда будет демонстрировать различные стороны, компоненты и способы формирования (с возможностью временных конфликтов и одного окончательного на данный момент результата) в каждый момент времени»[1].

Право, с точки зрения «мягкого» релятивизма – это не некая сущность, а приписывание властью (в широком смысле слова – властью-знанием, общественным мнением, формируемым экспертным сообществом) свойства «правового» или «юридически значимого» некоторым социальным явлениям и процессам. Не существует «чистых» правовых явлений, повторю еще раз, а существует юридическая «сторона» или «аспект» социальных (политических, экономических, межличностных) отношений. В этой связи я согласен с позицией Я. И. Гилинского и других представителей постмодернистской криминологии (С. Генри, Д. Милованович, Х.-Х. Ешке, Ф. Зак, К.-Л. Кунц), что не существует преступности (или преступления) как таковой (или имманентной природы преступного), а есть приписывание свойств преступного некоторым действиям на основе конвенции. Поэтому не существует универсального критерия криминализации – основания уголовной политики. Как и не существует универсального содержательного (подчеркиваю – именно содержательного) определения вреда (или добра), хотя у всех народов и во все времена обнаруживается дихотомия добро / зло. Любое социальное действие (как и любой человек[2]) само по себе не является вредным или полезным – все зависит от позиции наблюдателя: даже война, которая, конечно, вещь безобразная (для большинства населения современного мира), но для военных, как и для развития техники, может оцениваться как «благо». Не существует универсальной формулировки запрета убийства: в разные времена лишение жизни другого человека квалифицируется весьма разным образом (ритуальные убийства или

---

[1] *Варга Ч.* Загадка права и правового мышления / Пер. с англ. и венгр.; сост. и науч. ред. М. В. Антонова. СПб.: ИД «Алеф-Пресс». 2015. С. 32, 36–37.

[2] В этой связи симптоматично заявление Х. Аренд о банализации зла: «Реальность заключается в том, что ‘’нацисты – такие же люди, как мы сами’’; кошмар в том, что они показали и бесспорно доказали, на что способен человек». – *Arendt H.* Nightmare and Flight // Essays in Understanding 1930–1954. N.Y.: Schocken, 1994. P. 134.

убийство на дуэли долгое время не квалифицировались как преступления, сегодня – убийство на войне или в состоянии необходимой обороны и др.[1]). Но в то же время у всех народов и во все времена существует запрет на убийство в той или иной форме. В этом смысле запрет убийства универсален, но «в формальном смысле слова», а его содержание всегда конвенционально, поэтому релятивно. Судебное доказательство релятивно тому, как оно обнаружено, закреплено в знаково-юридической форме и оценено (проинтерпретировано) участниками судопроизводства (включая широкую аудиторию всех, кто знаком с делом). Доказательство становится таковым только в отношении обнаружения, фиксации, оценки и использовании так называемой «доказательственной информации». Поэтому я поддерживаю идею М. Тропера, критикуемую Е. В. Тимошиной, что конституция – это не сам по себе текст, но текст проинтерпретированный[2]. Законность с точки зрения «мягкого» релятивизма (как социолого-правовой режим) – это универсальный принцип соблюдения принятых норм права (при реальной возможности их пересмотра), но на стадии их формирования должен быть плюрализм разных точек зрения (релятивность). В духе Ю. Хабермаса можно утверждать, что выработка норм права (обретение нормой притязания на значимость) не предопределена заранее каким-либо содержанием, но оно – содержание – формируется в процессе делиберации. Формальная дискурсивная делиберация норм права (идеальная речевая ситуация

[1] Я. И. Гилинский в этой связи справедливо замечает: «*В реальной действительности нет объекта, который был бы «преступностью» (или ''преступлением'') по своим внутренним, имманентным свойствам, sui generis, per se*. Преступление и преступность – понятия *релятивные* (относительные), *конвенциональные* («договорные»: как «договорятся» законодатели), они суть социальные *конструкты*, лишь отчасти отражающие отдельные социальные реалии: некоторые люди убивают других, некоторые завладевают вещами других, некоторые обманывают других и т. п. Но ведь *те же самые по содержанию* действия могут не признаваться преступлениями: убийство врага на войне, убийство по приговору (смертная казнь), завладение вещами другого по решению суда, обман государством своих граждан и т. п.». – *Гилинский Я. И.* Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд, перераб. и доп. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. С. 37.

[2] «Акт толкования создает конституцию», утверждает французский конституционалист. – *Тропер М.* Конституционное толкование / Пер. с фр. М. В. Антонова // Правоведение. 2012. № 4. С. 100–101.

и универсальная аудитория) – универсальное в праве; результат обсуждения – конкретное их содержание. Другое дело, что свободной от принуждения универсальной делиберации в реальности не существует – но это уже проблема использования концепции Хабермаса.

Такова диалогичность (в духе В. С. Библера) универсального / релятивного в праве: взаимодополнительность формально-абстрактного и конкретно-содержательного его воплощения. Релятивность в праве – это его реальность, которую следует изучать, а не навешивать ярлыки смертельной угрозы.

Глава 2
ПРЕДЕЛЫ РЕЛЯТИВИЗМА В ПРАВЕ

Постановка проблемы о пределах релятивизма в праве требует обозначить прежде некоторые общие философские рамки методологии релятивизма. Это также полезно по причине невысокой популярности релятивизма среди российских теоретиков права по сравнению с обилием публикаций на эту тему в зарубежной литературе.

В данной главе мы обозначим основные разновидности релятивизма, выделяемые в зарубежной литературе. Попытаемся дать оценку как положительного, так и негативного потенциала каждого из них, а также обозначить пределы релятивизма в праве и возможность сочетания универсального и особенного в рамках постклассической методологии.

2.1. Разновидности релятивизма

Релятивисты утверждают, что получение абсолютного знания невозможно, так как любое знание достигается в рамках предположений и методов, эпистемический авторитет которых локален. Главное намерение релятивистов – заставить ученых признать свои ограничения в попытках достичь рационального консенсуса[1].

Существует достаточно много разновидностей релятивизма. В частности, можно выделить: 1) социальный (исторический) релятивизм и его форму – культурный релятивизм; 2) когнитивный (эпистемологический) релятивизм и его форму – концептуальный релятивизм; 3) моральный релятивизм и его форму – этический релятивизм.

Социальный (исторический) релятивизм – это утверждение, что истинность и ложность всех суждений, а также правильность или неправильность действий относительны их социальному, историческому и культурному контексту. Согласно данному виду релятивизма, мы

[1] *Bland S.* Epistemic Relativism and Scepticism: Palgrave Macmillan, Cham, 2018. P. 1.

действительно можем различить истинные и ложные убеждения, правильные и неправильные действия, но только в рамках параметров социально заданных норм и убеждений.

Наиболее влиятельная форма социального релятивизма XX века – *культурный релятивизм*. Огромным стимулом к принятию культурного релятивизма стали лингвистические исследования языков, не относящихся к западным. Например, в результате исследования языка американских индейцев – хопи Б. Уорфом[1] был сделан вывод о том, что мы воспринимаем окружающий мир в тех категориях, которые заданы нашим языком. То есть мы фиксируем мир в приписываемых ему значениях, которые являются результатом соглашения об организации нашей мысли именно таким образом. Данное соглашение сохраняется на протяжении существования нашего речевого сообщества и кодируется в паттернах нашего языка.

По словам Уорфа, хопи артикулируют и поэтому воспринимают мир в терминах событий, а не объектов, и рассматривают время не в терминах продолжительности как англоговорящие люди, но как отношения между событиями. Гипотеза «лингвистической относительности» Уорфа состоит в том, что «все наблюдатели не руководствуются одними и теми же физическими доказательствами одной и той же картины Вселенной, если только их лингвистический бэкграунд не схож или может быть сопоставим»[2]. Мы видим, слышим и переживаем именно таким образом, потому что языковые привычки нашего сообщества предрасполагают к выбору определенной интерпретации. В этом смысле миры, в которых живут различные общества – это есть разные миры, утверждает Уорф, а не один и тот же мир с разными описаниями его.

Л. Витгенштейн в «Философских работах» также показал, что категоризация опыта зависит от принятых языковых стандартов[3]. По данной причине культурная изменчивость и различные концептуальные схемы остаются ограниченными рамками межъязыковой соизмеримости и эпистемической доступности.

---

[1] См.: *Whorf B. L.* Language, Thought and Reality. MIT Press, Cambridge, MA. 1956.

[2] Ibid. P. 214.

[3] См.: *Витгенштейн Л.* Философские работы / Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. Ч. I. М.: Гнозис, 1994.

Хотелось бы обозначить как положительные моменты культурного релятивизма, так и некоторые угрозы, которые скрываются в нем.

Необходимо признать, что нормативным следствием культурного релятивизма является уважение других культур и систем ценностей, а также избегание «этноцентризма» в современных западных обществах. И это, конечно, нельзя не отметить, как положительный момент. Однако культурный релятивизм несет в себе угрозу правам человека. Считая, что каждая культура уникальна и что между культурами не может быть ничего общего, культурный релятивизм утверждает, – каждую культуру возможно оценить только с помощью ей присущих критериев, а значит никаких универсальных критериев быть не может. Из этого следует, что защита прав человека должна осуществляться только каждым отдельным государством по собственным критериям, а не в соответствии с международными стандартами.

Сторонники культурного релятивизма считают, что все страны находятся на разных этапах своего развития, имеют неодинаковые исторические традиции и культурные ценности, с чем связано и различное содержание концепции прав человека, а также практики защиты прав человека. Здесь очень важно, чтобы упование на свой «особый путь» не привело к пренебрежению правами человека, не препятствовало возможности защиты прав человека при помощи международных институтов. Когда соблюдение прав человека ставится в зависимость от культурных ценностей, принятых в том или ином обществе, на практике это может использоваться для оправдания нарушений в данной сфере.

Безусловно право не существует вне зависимости от культуры, идеологии и системы ценностей, с одной стороны. Но это не ведет к полному культурному релятивизму – идее, что каждая культура следует своим собственным моральным заповедям. *Jus gentium* взаимодействует с другими системами. Для того, чтобы стала возможной коммуникация между различными правовыми системами, необходимы универсальные основания, разделяемые всеми. Именно эти основания и выступают пределами релятивизма в праве. Любое общество нуждается в собственной правовой системе. Но и мировое сообщество также нуждается в международной системе права. И если на вершине этой системы будет находится человеческая личность, обладающая достоинством, то с помощью такой системы многого возможно достигнуть.

Когнитивный (или эпистемологический) релятивизм – это позиция, согласно которой любое суждение связано с каким-то человеком, группой, местом или временем. По данной причине не может существовать объективная, межкультурная и универсальная истина. То, что для нас истинно, может быть для других ложно. Следовательно, все теории, концепции, суждения эквивалентны. Нет смысла в поиске объективной истины. Под прикрытием поиска истины скрывается только борьба за власть. Поэтому задача релятивиста состоит в разоблачении («деконструкции») научного дискурса и разоблачении скрытых за ним сил. Как решить эту задачу без определения того, что является истинным, данный вид релятивизма умалчивает. Д. Блур утверждает, что не только стандарты рациональности, но и законы логики, часто рассматриваемые как необходимые условия для рационального мышления, определяются социальным контекстом[1].

Представляется, что когнитивный релятивизм, как и скептицизм в целом, имеет зерно истины, а именно, тезис о том, что все предложения в отношении фактов в принципе допускают ошибки. Но, чтобы быть реалистичным и плодотворным, фаллибилизм (принцип, согласно которому утверждения, касающиеся эмпирического знания, могут быть приняты, даже если они не могут быть доказаны с уверенностью) должен сочетаться с мелиоризмом, или тезисом о том, что ошибку можно исправить[2]. Кроме того, то, что считается истиной в науке, даже будучи частичной истиной, универсализируется. Если истина приемлема только для некоторых людей, она не является научной, но эстетической или идеологической. Как говорится, красота может быть в глазах смотрящего, истина – нет. Если это не так, то становится невозможным отличить науку от псевдонауки и идеологии, научно обоснованные технологии от шарлатанства, а государство от племени. Что еще хуже, последствием таких представлений может стать подрыв демократии и верховенства права, потому что как для реализации демократии, так и для торжества принципа верховенства права требуется делиберация и достижение консенсуса об истинности или ложности определенных

---

[1] *Bloor D.* Knowledge and Social Imagery. Routledge & Kegan Paul. London, 1976. P. 130.

[2] *Andrews A. D.* Relativism: Cognitive // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2001. P. 13011.

утверждений, например, находится ли семья на грани выживания, или ведется ли борьба с преступностью.

Концептуальный релятивизм, являясь разновидностью когнитивного, покоится на философских соображениях о соотношении между человеческой мыслью и миром, в отличие от культурного или исторического релятивизма, базирующегося на наблюдениях о культурных и исторических различиях. Одна из самых влиятельных версий концептуального релятивизм в XX веке была предложена У. Куайном. По словам Куайна, чтобы иметь возможность говорить о мире и организовывать потоки нашего чувственного опыта, мы должны навязать миру концептуальную или лингвистическую схему или теорию. Тем не менее возможно множество концептуальных или теоретические схем, каждая из которых может одинаково хорошо объяснять этот мир. И так как нет каких-либо определенных фактов или критериев, которые позволили бы нам сделать выбор между этими разными схемами (рамками, теориями, концепциями), Куайн приходит к выводу об «онтологической относительности»[1].

Идеи Куайна оказали большое влияние на Х. Патнэма, который утверждал, что невозможно даже установить, что является объектом вне каких-то определенных рамок или схем. Одна и та же ситуация, по мнению Патнэма, может быть расценена как содержащая то или иное количество объектов[2].

Важно отметить, что наиболее концептуальные релятивисты, в частности Куайн и Патнэм, дистанцируются от культурного релятивизма, считая его в корне непоследовательным. Данный бренд релятивизма основан на теории смысла и истины, а не на предполагаемых различиях между культурными традициями.

Концептуальный релятивизм также оказал влияние на философов науки Т. Куна и П. Фейерабенда, подчеркнувших роль разных способов рассуждений в различные периоды истории науки, и утверждавших, что научные теории, принадлежащие к этим различным стилям рассуждений, являются несоизмеримыми. Кун считал, что ученые, работающие в разных парадигмах, живут в разных мирах. Фейерабенд утверждал,

---

[1] См.: *Quine W.* Relativism and Absolutism. Monist 67: 293–6. 1984.

[2] *Putnam H.* Renewing Philosophy. Harvard University Press, Cambridge, MA. 1992. P. 120.

что изменение универсальных принципов приводит к изменению всего мира[1].

В отношении концептуального релятивизма представляется важным отметить, что иногда его истоки приписывают взглядам И. Канта[2], с чем нам не представляется возможным согласиться. И. Кант проводил различие между данными нашего чувственного опыта, принципами и категориями, которые мы используем для его организации. Кант как раз верил, что все люди применяют *одинаковые* категории или схемы для организации потока своего жизненного опыта. Кант считал, что невозможно делать значимые заявления об объектах окружающего мира – утверждения, которые истинны или ложны, оправданы или необоснованны – не предполагая, что эти объекты расположены в космосе, сохраняются во времени и подвержены взаимным отношениям причинного влияния. Поскольку наши концепции пространства, времени и причинности определяются принципами евклидовой геометрии и ньютоновской физики, эти синтетические априорные принципы составляют необходимые предпосылки эмпирического знания. Именно это и представляет собой сущность кантовского аргумента против эпистемического релятивизма: не может быть реальной альтернативы натуралистической системе точных наук, потому что ее основные принципы выражают условия возможности представления феноменального мира[3].

С позиции *морального* релятивизма, существуют различные несовместимые системы морали и нет каких-либо общих критериев для выбора между ними. Моральные релятивисты исходят из предпосылки, что моральные ценности основаны на социальных конвенциях, исторических условиях, метафизических верованиях и т. д., которые

---

[1] См. *Kuhn T. S.* The Structure of Scientific Revolutions. University of Chicago Press, Chicago, (2nd ed., enlarged, 1970; Feyerabend P. Farewell to Reason. Verso. London, 1987. В переводе на русский язык: *Кун Т.* Структура научных революций / Пер. с англ. И. З. Налетова; Общ. ред. и послесл. С. Р. Микулинского и Л. А. Марковой. М.: Прогресс, 1975; Фейерабенд П. Прощай, разум / Пер. с англ. А. Л. Никифорова. М.: АСТ: Астрель, 2010.

[2] См., напр.: *Bunge M.* Relativism: Philosophical Aspects // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2001. P. 13015.

[3] См.: *Кант И.* Критика чистого разума / И. Кант; [пер. с нем. Н. Лосского; сверен и отред. Ц. Г. Арзаканяном, М. И. Иткиным; примеч. Ц. Г. Арзаканяна]. М.: Мысль, 1994.

варьируются от одного общества или социальной группы к другой, и утверждают, что не существует доступных нам нейтральных стандартов для осуществления выбора из таких конкурирующих требований. Истина или ложь, уместность или несоответствие этических убеждений относятся к их социально-историческому происхождению и моральные убеждения нельзя оценивать независимо от их социальных рамок.

Разновидностью морального релятивизма выступает релятивизм *этический*, согласно которому любые этические утверждения релевантны только в определенном культурно-историческом контексте.

Этический релятивизм часто ассоциируется с толерантностью или терпимостью. Его положительный аспект можно заметить в запрете на вмешательство в образ жизни и моральные обычаи других культур. Но, с другой стороны, его опасность кроется в том, что между терпимостью и моральным безразличием один шаг. Этический релятивист не уверен осуждать ли геноцид, пытки, жестокое обращение с детьми и т.д., потому что такие действия могут являться частью структуры социальной жизни некоторых культур и народов. Более того, если этический релятивизм верен, то даже терпимость и невмешательство нельзя рассматривать как универсальную этическую ценность и она не может быть рекомендована для тех, кто еще не разделяет данного подхода.

2.2. Возможность сочетания универсального и контекстуального: эпистемический и методологический плюрализм

Мы живем в нормативно-организованном мире. Мы спорим, приводим аргументы. Но расхождения в наших мнениях определяются теми правилами и стандартами, которые мы считаем заслуживающими быть авторитетными. Утверждение о том, что вся область человеческого понимания встроена в социальные практики отнюдь не означает, что объекты мира не существуют независимо от нашей когнитивной деятельности. Представляется, что слишком часто онтологические вопросы существования самого объекта путают с эпистемологическими. В то время как онтология экзистенциально независима от наших знаний, эпистемология всегда проецирует классификационные стандарты к онтологически независимым объектам, как институциональным, так и не институциональным.

Стандарты, как и ценности, возникают на основе социальной практики. Чтобы утверждать, что нечто является ценностью, необходимо подтвердить, что существует или существовала социальная практика, поддерживающая это нечто в качестве ценности. Однако, такое положение дел не исключает существования стандартов и ценностей, порождающих все иные ценности и стандарты, являющихся основополагающими по отношению к социально-обусловленным вторичным ценностям и стандартам. Цель существования данных ценностей и стандартов состоит в способствовании достижению и реализации социально-обусловленных ценностей и стандартов. Эти основополагающие стандарты и ценности являются нормативным условием действительности социально-обусловленных стандартов и ценностей.

Представляется, что ни сильные формы социального, когнитивного, морального релятивизма, с одной стороны, ни полное отрицание релятивизма, с другой, не в состоянии решить проблем применительно к межкультурным взаимодействиям. Ни абсолютная несоизмеримость, ни абсолютная соизмеримость между конкурирующими нормативными системами не могут быть убедительными. Разрешение конфликтов возможно только при соблюдении определенных условий, направленных на взаимопонимание. И такими условиями могут быть только разделяемые большей частью человеческого сообщества принципы, стандарты и ценности.

Именно такие принципы, стандарты и ценности являются концептуальной основой межъязыковой переводимости и эпистемической соизмеримости. Проблема когнитивно-лингвистического релятивизма может быть решена как раз за счет идеи концептуальных принципов и стандартов. Концептуальная схема организации чувственного опыта, являясь универсальной, обретает форму, зависящую от культурно-контекстуального наполнения. Таким образом, эпистемологическое использование рефлексивного суждения возрождает интерсубъективное диалогическое понятие на основе экспериментально конституированных схем для построения значений и пропозициональных истин.

На базе универсальных методологических элементов возможно сформулировать теорию, которая будет нормативно релятивистской, но универсальной на метатеоретическом уровне. Постклассическая наука